

ЗАГАДКА 2037 ГОДА

«В январе тридцать седьмого года»

Здравствуй, Пушкин! Просто страшно это -
словно дверь в другую жизнь открыть -
мне с тобой, поэтом всех поэтов,
бедными стихами говорить.

Быстрый, шаг и взгляд прямой и быстрый -
жжет мне сердце Пушкин той поры:
визг полозьев, песни декабристов,
ямбы ссыльных, сказки детворы.

В январе тридцать седьмого года
прямо с окровавленной земли
подняли тебя мы всем народом,
бережно, как сына, понесли.

Мы несли тебя - любовь и горе -
долго и бесшумно, как во сне,
не к жене и не к дворцовой своре -
к новой жизни, к будущей стране.

Прямо в очи тихо заглянули,
оружили нежностью своей,
сами, сами вытащили пулю
и стояли сами у дверей.

Мы твоих убийц не позабыли:
в зимний день, под заревом небес,
мы царю России возвратили
пулю, что послал в тебя Дантес.

Вся Отчизна в праздничном цветенье.
Словно песня, льется вешний свет,
Здравствуй, Пушкин! Здравствуй, добрый гений!
С днем рожденья, дорогой поэт!
(1946 г.)

Зачем мы стихами советского поэта Я.В. Смелякова (1912-1972) приветствуем
русского поэта А.С. Пушкина? Затем, чтобы разбирая словесные нагромождения
русско-советской поэзии, на русский путь жизни вернуться. Итак,

Здравствуй, Пушкин! Просто страшно это -
словно дверь в другую жизнь открыть -

Русским крестьянам, действительно, страшно эту дверь открывать, потому что нам известно, что одна только дверь, ведущая «в другую жизнь» – спасительна: *Аз есмь дверь: Мною аще кто внидет спасется: и внидет и изыдет, и пажить обрящет* (Ин.10:9). Другие двери, которыми пытаются войти люди в духовные миры, опасны. *Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники* (Ин.10:8). Эти слова Господа значат, что, если все, провозглашавшие себя «спасителями» прежде Него, были духовными ворами, то тем более таковыми являются те, кто после Его пришествия на землю пытаются иные, в обход Его Креста, духовные двери открыть.

Страшно христианам входить в духовный мир Пушкина, но почему это страшно поэту Смелякову, который стихам своего кумира верил несравненно больше, чем Евангелию? Почему страшно Смелякову общаться с тем, кто для него множество прелестных произведений написал? А вот что страшно:

мне с тобой, поэтом всех поэтов,
бедными стихами говорить.

Страшно свои «бедные стихи» показывать? Нет, стихи хорошие, искренние. И звучат выразительно, особенно визжащий «визг полозьев»:

визг полозьев, песни декабристов,
ямбы ссыльных, сказки детворы.

Общеизвестно, что хотя сам А.С. Пушкин не участвовал в вооружённом восстании на Сенатской площади, зато всецело ему сочувствовал. Из этого факта следует одно из двух. Либо Пушкин заслуживает наказания *большого*, чем декабристы, либо не прав Златоуст говоривший, что «одобряющий грех гораздо хуже самого согрешившего».

Толкуя стих Послания к Римлянам: *Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют* (Рим.1:32), святитель Иоанн Златоуст говорит: «Предположив два возражения, Апостол предварительно разрешил здесь их оба». Какие это возражения? Первое: «Может быть, ты скажешь, говорит он [Апостол], что ты не знал, как должно тебе поступать. Хорошо; если и не знал, то виновен ты, оставивший Бога, дающего тебе знание». Где же эту мысль высказывает Апостол? В стихе: *Якоже не искусшиа имети Бога в разуме, предаде их Бог в неискусен ум, творити неподобная* (Рим.1:28).

Златоуст говорит, что Апостол, указывая на грехи язычников «лишает последних всякого оправдания, говоря, что дерзновения их зависят не от неведения, но от склонности. Поэтому не сказал: так как не уразумели, но говорит: *якоже не искусшиа имети Бога в разуме*, показывая, что грехи их происходили преимущественно от развращённого рассудка и любви к словопрениям, а не случайного восприятия; были грехами не плоти, как утверждают некоторые еретики, но ума и порочного желания, и что источник всех зол заключается именно здесь. Так как ум их сделался превратным, то всё, наконец, пришло в беспорядок и смятение, когда руководитель оказался повреждённым».

Приложим эти слова Златоуста к декабристам. Спрашивается, как они *не искусшиа* (в синодальном переводе: *не заботились*) *имети Бога в разуме*? Да вот так и не заботились, что в законе Господнем усердно не поучались (ср.Пс.1:2), о заповедях Божиих особо не размышляли (ср.Пс.118:15), душой к Нему прилепиться не стремились (ср.Пс.62:9), поэтому

предал их Бог превратному уму – делать непотребства (Рим.1:28). Что это значит? Человек с превратным умом, делая грех, думает, что совершает благородный поступок. Например, разве не грешно было поднимать вооружённое восстание против законной власти? Однако декабристам казалось, что их дело – правое.

«Но ты, скажешь, увлекался страстью?» Это второе возражение, которое может предложить грешник в своё оправдание. «Зачем же содействуешь другим и хвалишь? *Не только их* (т.е. дела, достойные смерти. – Г.С.) *делают*, говорит Апостол, *но и делающих одобряют*. Таким образом, чтобы обличить язычника, Апостол прежде всего ставит на вид самый тяжкий и неизвинительный грех, потому что одобряющий грех гораздо хуже самого согрешившего».

Последняя мысль Златоуста достойна восклицательного знака. Повторим её. Если болящий страстью грешник вправе рассчитывать на снисхождение, как справедливо ждёт себе сочувствия от здоровых людей всякий больной, то незаражённый страстью и в то же время покрывающий и одобряющий её достоин большего наказания в сравнении с грешником.

Эта очевидная для святителя мысль, для нас, увы, уже неочевидна. Мы живём по поговорке: не пойман – не вор. Но у Бога, испытующего *сердца и утробы праведно* (Пс.7:10), нет не пойманных воров.

В январе тридцать седьмого года
прямо с окровавленной земли
подняли тебя мы всем народом,
бережно, как сына, понесли.

Известно, что А.С. Пушкин родился 26 мая 1799 года и умер 29 января 1837 года по юлианскому календарю, или старому стилю. Эти дни соответствуют 8-му июня и 11-му февраля нового стиля, и чтобы убедиться в этом, достаточно открыть православный церковный календарь. Однако 200-летний юбилей со дня рождения поэта был отпразднован 6 июня 1999 года, а его гибель обычно вспоминается 10 февраля.

Скажите нам, пушкиноведа, по какому календарю жил Пушкин? Если по юлианскому, то, чтобы быть верными почитателями поэта, нужно чтить его память по этому же календарю. Куда же вы спешите? Или для вас в порядке вещей – праздновать день рождения за два дня до рождения? Впрочем, у этой статьи другой вопрос, не календарный.

Почему Смеляков берёт старый стиль? Чтобы не прочитывался новый? Неужели, чтобы кто-либо не вздумал отыскивать за цифрой «37» намёки на современность, Смеляков приводит дату дуэли Пушкина по старому стилю? Или же, напротив, желая привлечь внимание к этой цифре, он тем подчёркивает её, что обращается к старому стилю?

Скорее всего, для Я.В. Смелякова, написавшего это стихотворение в 1946 году, год 1937 не имел такого значения, какое он приобрёл для живущих в XXI веке. Для Смелякова всё просто: в 1837 году Пушкин был убит в январе, а не в феврале. Но не всё так просто для нас, живущих уже не в Советской, но в Российской Федерации, чтобы не обратить особого внимания на схожесть этих чисел: 1837 и 1937.

Дух бурен часть чаши их

В ряду приснопамятных советских лет 1937 год стоит особо. Под натиском СМИ в современном общественном сознании утвердилось мнение, что почти вся кровь советского террора была пролита именно в этот год. Ночные «воронки» и аресты, расстрелы и тюрьмы, незаконные судьи и невинные жертвы, в общем, всё самое страшное случилось в 1937-ом. Как будто не было прежде него ни беспощадной гражданской войны, ни голода, ни разорённого дотла крестьянства. Кратко сказать, этот год стал – жупелом.

Обратившись к словарям, я с удивлением обнаружил, что они совершенно по-разному толкуют слово «жупел». Так, в словаре С.И. Ожегова говорится: «Жупел – нечто внушающее страх, ужас, отвращение; то, чем пугают», и более ничего не сказано. В.И. Даль толкует «жупел» иначе: «Горячая сера, горящая смола, жар и смрад», и тоже более ничего не говорит. Такое впечатление, будто два разных жупела существуют в русском языке. Но почему, что известно одному, не известно другому толкователю?

Потому что мир перевернулся, и быль стала сказкой, а сказка былью. Слово Божие – Псалтырь стала для строителей нового мира сказкой. *Одождит на грешники сети, огонь и жупел, и дух бурен, часть чаши их* (Пс.10:6). Эти слова Псалтири к 1949 году, т.е. к выходу в свет словаря Ожегова, стали сказкой. Зато бесовские сказки стали былью. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

Но для слова Божия нет уз (2 Тим.2:9), и пытающиеся связать или отвергнуть его, лишь подтверждают истинность Божьего слова самым точным образом, то есть доказывают, что часть чаши грешников – *сети, огонь и жупел, и дух бурен*.

«Загадка 1937 года». Так называется глава из книги В.В. Кожина «История России. XX-й век», в которой он пишет, что трагичность 1937 года сильно преувеличена, поскольку «в 1934-1938 годах погибло примерно в 30 (!) раз меньше людей, чем в 1918-1922 годах». Основные народные жертвы были принесены революции в первые её годы, а в 37-м расстреливали самих расстрельщиков.

Всё это убедительно и очень хорошо написано Вадимом Валерьяновичем. Также убедительно объяснено им и то, почему для средств массовой информации этот год стал «чёрным годом» советской истории. И можно было бы согласиться с его доводами, если бы среди дат мученических кончин церковно-священно-служителей не выделялся тот же, 1937 год.

Чем же этот факт расходится с мыслью Кожина? Тем, что, следуя ей, нужно сделать вывод, что священники были повинны в революции не менее революционеров, поскольку и они были репрессированы преимущественно в 1934-1938 годах. Но какое, спрашивается, отношение к устройению революции имели священнослужители? Впрочем, мы отвлеклись от стихов.

Мы несли тебя - любовь и горе -
долго и бесшумно, как во сне,
не к жене и не к дворцовой своре -
к новой жизни, к будущей стране.

Непонятно, почему они несли Пушкина «долго и бесшумно, как во сне»? Может, кто-нибудь из поклонников поэзии Пушкина, для которых он – «любовь и горе», объяснит, как понимать эту строку? «К новой жизни, к будущей стране» – это как вам угодно, но к венчанной жене вы обязаны были принести мужа. Да и к царскому двору, при котором

служил камер-юнкер Пушкин, тоже нужно было его поднести. Впрочем, если верить пушкиноведам, двор не хотел принимать тело поэта.

Мы твоих убийц не позабыли:
в зимний день, под заревом небес,
мы царю России возвратили
пулю, что послал в тебя Дантес.

Собственно, ради этих строк мы прочли всё стихотворение. Они честно сказаны. В них произнесено то, что боятся признать многие, и что, если думать о том до конца, нельзя не признать правдой: российский самодержец был убит поэзией Пушкина. Во всяком случае, и поэзией Пушкина в значительной мере.

Вот вам и товарищ Смеляков. Смело сказал то, что бояться сказать господу. Впрочем, смелость советского поэта и боязнь писателей из господ легко объяснимы. Последние учили «закон Божий» и пытались хотя бы внешне выглядеть христианами, в то время как товарищам таких уроков в советской школе не преподавали.

«Мы твоих убийц не позабыли...» Мог ли такое написать христианин? Едва ли, потому что носящий на себе имя Христово не формально, но в существе души, постарался бы не помнить зла. Сомнительно также, чтобы такую строку мог написать русский человек, потому что русский это и значит – православный; а если не православный, то и не русский. Кто же это написал? Человек ветхозаветной морали, живущий по закону Моисееву: *душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу. [Какой кто сделает вред ближнему своему, тем должно отплатить ему.]* (Втор.19:21). Короче, эту строку написал советский поэт.

Но где доказательства? Где свидетели? Где улики, говорящие о причастности поэта Пушкина к цареубийству? И наконец: а судьи кто?

Доказательства? Все советские годы от 1917 даже и до ныне. Свидетели? В качестве таковых можно пригласить всех, кто помнит эти стихи из школьной программы: «Товарищ, верь: взойдет она, \ Звезда пленительного счастья, \ Россия вспрянет ото сна, \ И на обломках самовластья \ Напишут наши имена!»

«Звезда пленительного счастья». Потрясающая строка, отмечающая все сомнения в провидческом даре Пушкина. Именно звезда (красная), именно пленительного (подрежимного) счастья взошла в 1917 году над обломками самовластья. Впрочем, мы не сомневаемся в гениальных способностях поэта, мы только сомневаемся, от Бога ли они?

А судьи кто? Судьи, подобные судьям 37-го года, всегда готовы. Какому же царю России была возвращена пушкинская пуля? Александру II Николаевичу? Или Николаю II Александровичу? Первый был убит менее чем через год после открытия памятника Пушкину, но не пулей, а бомбой. Второй убит пулей, но не «под заревом небес», а в подвале. Первый – весной, второй – летом, значит, «зимний день» ни к какому убийству не подходит. Или не отдельному царю, но, так сказать, соборному царю была возвращена пушкинская пуля? Царю как принципу власти?

Но почему с поэзией Пушкина не хотели служить монарху? Почему же тогда с ней служили тирану? Как так вышло, что с лирой Пушкина разрушили великую монархию, но с ней же выстроили великую тиранию? Это загадка не только 1937 года, это загадка всей российско-советской истории, это загадка народа, четвёртое столетие идущего по пути самоуничтожения.

Заветная лира

Вернёмся к стихотворению Смелякова. После строк о смерти Пушкина и о пуле в царя читаем следующее четверостишие:

Вся Отчизна в праздничном цветенье.
Словно песня, льется вешний свет,
Здравствуй, Пушкин! Здравствуй, добрый гений!
С днем рожденья, дорогой поэт!

Уместно ли пожеланием здравствовать завершать рассказ о смерти? Как-то не вяжется содержание предыдущих строф, где говорится о пуле, крови и смерти с таким вот окончанием: «С днем рожденья, дорогой поэт!»

Впрочем, мысль Ярослава Смелякова потому так повернулась, что искала себе закругления. Стихотворение началось заздравицей и закончилось ей, потому что та только речь красива, которая имеет округлые формы. Но такой ход мысли: от смерти – к жизни, возвышается над обычным ходом человеческих рассуждений и похож на исповедание веры.

И вправду, стихотворение «Здравствуй, Пушкин!» можно назвать своеобразным символом веры. Вступая с лирой Пушкина в завет, Смеляков сперва говорит о смерти завещателя, затем провозглашает его воскресение, и затем возвращает его «к новой жизни, к будущей стране» заключительным приветствием: «Здравствуй, Пушкин! Здравствуй, добрый гений! С днем рожденья, дорогой поэт!»

Для заключения завета необходима смерть, ибо, как говорит Апостол, *где завещание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя, потому что завещание действительно после умерших: оно не имеет силы, когда завещатель жив* (Евр.9:16,17). И для дальнейшего становления веры необходимо воскресение. *А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша* (1Кор.15:14). *...если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним* (1Фесс.4:14).

Переключку с этими мыслями Апостола мы видим в словах писателя Смелякова, потому что, приветствуя умершего поэта словом «здравствуй», он выражает свою веру в то, что Пушкин жив. Но где жив? В чём или в ком жив поэт Пушкин? И здесь начинается самое страшное. Согласно вере Смелякова Александр Пушкин жив в «заветной лире». Помните эти стихи, читатель?

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Подумать только, не со Христом и не во Христе, но в заветной лире душа Пушкина не умрёт и тленья убежит! Господи, помилуй! И что значит выражение: «заветная лира»? Пушкин с лирой заключил завет? Ветхий, новый, новейший?

Но остановим себя вопросом: может, мы уже лишнее выдумываем? Может, никакого исповедания веры в загробную жизнь человеческих душ «в заветной лире» в стихотворении «Здравствуй, Пушкин!» нет? Может, мы, разыгравшись воображением, приписали Смелякову то, о чём он никогда не думал?

Как бы там ни было, думал или не думал Я.В. Смеляков выразить в стихотворении «Здравствуй, Пушкин!» свою веру, всё равно оно звучит дико. После слов о пули в царя ни боли, ни горечи, ни сожаления, ни капли понимания того, что пуля в кого бы то ни было, а тем более в царя, не может остаться ненаказанной, ничего этого нет, зато пишется строка: «Вся Отчизна в праздничном цветенье». Что это, как не ослепление? Но чем оно вызвано? Чем или кем? Пушкинской поэзией и верой в неё.

И поскольку лживым было основание веры, постольку увенчалась она не торжеством и бессмертием, но страшной трагедией, разбитой жизнью и бессмысленной смертью построенного с пушкинской лирой Союза ССР и всего с ним связанного. Впрочем, с выводами о смерти – бессмысленной она была или нет – мы погодим. Земная история ещё продолжается, и неизвестно, каким и когда будет её конец.

Если же взглянуть на последнее четверостишие Смелякова не ослеплёнными пушкинской поэзией глазами, но в живоносном свете Евангелия, то можно отредактировать его так:

Вся Отчизна встала стальным строем.

Словно жупел, льётся с неба страх.

Так на Пушкине мы тиранию строим,

Потому что с Богом не в ладах.

Простит ли мне Ярослав Васильевич столь дерзкую правку его стихотворения? Хочу надеяться, что простит. Хочу также сказать, что некоторые строки его поэзии мне нравятся, а судьба вызывает уважение. Впрочем, я не настолько полно знаю жизнь Смелякова, чтобы судить о ней, да и не моё это дело. Я сужу тексты, и хотел бы уже закончить разбор стихотворения «Здравствуй, Пушкин!», да не знаю как.

Как мне художественно закольцевать эту неисчерпаемую тему? Но какую тему? Какую тему мне завершить, если в одном только подзаголовке «Дух бурен часть чаши их» просматриваются, как минимум, три необъятных темы:

1. 1837 и 1937 годы, или Смерть и воскресение Пушкина.

2. Революционная деятельность, или, точнее, Революционная бездеятельность церкви.

3. Поэзия Пушкина и тирания.

Все эти темы принадлежат прошлому. Зачем нам его ворошить? Затем, чтобы знать, как нам жить в будущем.

«Певец империи и свободы»

Листая сборник произведений о Пушкине, я был привлечён названием «Певец империи и свободы». Хорошее название для статьи, подумалось мне. Заглянемте, читатель, что пишет в ней Г.П. Федотов (1886-1951), член РСДРП и сочинитель книг о святых.

Разбирать всю статью оставим желающим. На мой взгляд, это пример тех сочинений, о которых Апостол Петр сказал: *Это безводные источники, облака и мглы, гонимые бурей: им приготовлен мрак вечной тьмы. Ибо, произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении. Обещают им свободу, будучи сами рабы тления; ибо, кто кем побежден, тот тому и раб* (2 Пет.2:17-19).

Мы рассмотрим только её вывод. Вот он: «Пусть Российская империя погибла, не решив этой пушкинской задачи. Она стоит и перед нами, как перед всеми будущими поколениями,

теперь еще более трудная, чем когда-либо, но непреложная, неотвратимая. Россия не будет жить, если не исполнит завещания своего поэта, если не одухотворит тяжесть своей вновь воздвигаемой Империи крылатой свободой».

Отлично сказано. Что же мешало перейти от слов к делу? Что мешало Федотовым приехать в СССР и решить эту провозглашённую ими «пушкинскую задачу» одухотворения тяжести вновь воздвигаемой Империи крылатой свободой? Неужели Федотовы не видели, как бесконечно расходятся их слова и дела? Неужели не понимали, что гораздо честнее в их положении помолчать? А если трудно было молчать из-за болтливости и желания называться от людей: *учитель! учитель!* (Мф.23:6), тогда учили бы покаянию и пониманию причин, по которым Родина вышвырнула их, словно хлам, на чужбину.

Так нет же, не молчали, но учили и продолжают самонадеянно учить все (!) будущие поколения той ошибке, которая выбросила их вон с русской земли, как врагов, как злых пасынков, так и не понявших исконной цели её существования. Итак, что мешало Федотовым приехать в СССР и объяснить «пушкинскую задачу» советским людям?

Без слов понятно, что мешало: репрессии, ссылки, расстрел... Значит, оставалась капля здравого смысла в господах. Значит, был у них разум. Ведь если бы Федотовы болели так, что не замечали бы своей болезни, то есть были бы упоены страстью государственного строительства, как, например, Смеляковы, то стали бы всеми силами выполнять задачу «синтеза империи и свободы». Но ведь они не приехали. Зачем же тогда над больными людьми смеялись? Зачем подогревали страсть? Зачем одобряли тех, кто жестоко и без памяти страдал?

Вот и выходит в случае с Федотовыми то, что мы прочли у Златоуста. «Но ты, скажешь, (в своё оправдание. – Г.С.) увлекался страстью? Зачем же содействуешь другим и хвалишь? *Не только их* (т.е. дела достойные смерти. – Г.С.) *делают*, говорит апостол, *но и делающих одобряют*. Таким образом, чтобы обличить язычника, апостол прежде всего ставит на вид самый тяжкий и неизвинительный грех, потому что одобряющий грех гораздо хуже самого согрешившего».

«Мы перестаём вас понимать, - скажут автору читатели. - Почему вы благородную цель – создание сильного государства – называете болезнью? Почему задачу, которую, может, не вполне осознавал Пушкин, но которую осознали и определили для себя те, кто подняли его поэзию на свои знамёна, называете грехом? Вы только вслушайтесь в то, как она (задача, а не страсть) звучит: одухотворить тяжесть Империи крылатой свободой!»

Что ж, давайте вслушаемся в это выражение. Крылатая свобода, что это? Свобода крылатого падения в бездну? Впрочем, оставим намёки на нечисть, а то читатели скажут, что священникам кругом мерещатся бесы. Просто эти книжники проговариваются иной раз насквозь. Проговариваются так, что за их словами открываются те, кто за ними стоит.

Ведь не назвал же Федотов свободу «великой», или «желанной», или «могучей». Не назвал он её «братской», хотя, как кажется, для тех, кому близок лозунг «свобода, равенство, братство», уместнее слова не подыскать. Не назвал он свободу и тем словом, которое христианин должен произнести прежде других слов, если только он является таковым по духу, а не по форме, тем более, когда произнесено слово «одухотворит», подготавливающее к приятию этого слова... Короче, не назвал свободу Христовой.

«Россия не будет жить, если не исполнит завещания своего поэта, если не одухотворит тяжесть своей вновь воздвигаемой Империи крылатой свободой». О чём же свидетельствует выражение Федотова «крылатая свобода»? В лучшем случае о том, что им полностью забыто,

точнее сказать, отбито свободолюбивой лирикой Пушкина понимание истинной свободы. А в худшем случае? Но на худшее мы условились не намекать.

К одухотворению тягловой тяжести своих государств свободой призваны христиане не Г.П. Федотовым, но Христом. *Тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него иудеям: если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными* (Ин.8:31,32).

К свободе призваны христиане, но к какой? Не к крылатой, не к великой и не к братской, но к истинной свободе, к свободе пригвождённого ко кресту Сына Божьего. А посему, если и строить нам, христианам, свои, христианские империи, то ради одной только – Христовой свободы. В чём же она состоит?

К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя. Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом (Гал.5:13-15).

У подлинной свободы не крылья, но руки, прибитые ко кресту. Если бы Федотов написал: «Россия не будет жить, если не исполнит завещания Апостола Павла и не одухотворит тяжесть своей вновь воздвигаемой империи Христовой свободой...», разве бы он был не прав? Разве бы мы не согласились с ним? Охотно бы согласились. Но Федотов так не написал, и мы его ошибок не исправляем, как исправляем стихи Смелякова, но решительно на них негодуем. Почему? Потому что кашу заваривали Федотовы, а расхлёбывать её пришлось Смеляковым. Но дело даже не в этом. Смеляковы искушение претерпевали, а Федотовы от него убежали. И опять дело не в этом. Снисхождения заслуживает больной, лежащей в горячечной страсти, тогда как больной, который не столько сам болеет, сколько подогревает страсть в других, лишается всякого снисхождения.

Но почему мы решили, что Смеляковы относятся к первым, а Федотовы ко вторым? Потому что Федотов родился в 1886 году, а Смеляков в 1912. С Федотова мы вправе спросить то, чего со Смелякова спрашивать не можем. Например, знание Евангелия. Что мешало Федотову написать слова об империи и свободе так, как мы написали? Ничто не мешало, всё только способствовало, однако он написал их не по-Евангельски, а по-крылатому.

И наоборот. Всё мешало Смелякову жить и говорить по-человечески (государственное безбожие, беззаконие, аресты, страх), и, однако же, он старался жить и говорить по-человечески, а не по-крылатому.

Ещё раз прочитаем последние слова статьи Г.П. Федотова «Певец империи и свободы», написанной им в 1937 году: «Пусть чаемый им [Пушкиным] синтез империи и свободы не осуществился – даже в его творчестве, еще менее в русской жизни; пусть Российская империя погибла, не решив этой пушкинской задачи. Она стоит и перед нами, как перед всеми будущими поколениями, теперь еще более трудная, чем когда-либо, но непреложная, неотвратимая. Россия не будет жить, если не исполнит завещания своего поэта, если не одухотворит тяжесть своей вновь воздвигаемой Империи крылатой свободой».

Вывод, что и говорить, потрясающий. Пусть Российская империя погибла... Пусть погибли миллионы людей, пусть. Пусть в беспощадной войне чуждых Руси идеалов с исконными её заветами уничтожена русская жизнь, зато стояла и стоит, как путеводная звезда, пушкинская задача над вновь воздвигаемой Империей, то бишь Советской.

От этой империи, как и от предыдущей, остались обломки, потому что «чаемый Пушкиным синтез империи и свободы не осуществился» и в ней, но пусть погибла и она.

Пусть гибнут уже не тела, но души миллионов людей в телевизионно-информационном разврате, и чуждые идеалы вновь одолевают последних крестьян в гражданской войне, фронт которой проходит уже не по полям, но по русским жилищам, пусть гибнет всё и вся, лишь бы горела пушкинская звезда пленительного счастья, потому что «Россия не будет жить, если не исполнит завещания своего поэта...»

Что значат последние слова Г.П. Федотова? Это пожелание или заклинание? «Россия не будет жить...» Россия, ты слышишь? Тебе не жить, если ты не исполнишь завещания своего поэта.

«Россия не будет жить...» Точно, Россия умрёт, исполняя завещание своего поэта. Россия попросту сгинет, если не скинет пушкинской задачи со своих прошлых, настоящих и будущих поколений. Бесы, эти крылатые самоубийцы, не успокоятся, пока не столкнут всех людей в пропасть.

Что скажем в итоге? Какую тему из намеченных тем завершим? Завершим все. Если оскорбляющая Дух Божий (ср.Еф.4:30) телевизионная революция не будет прекращена затеявшими её революционерами, если церковь не противостанет сатане, и если пушкинская звезда непреложно будет стоять над Россией, то придёт 2037 год, который во столько раз будет страшнее 1937 года, во сколько раз телевизор и интернет громче поют льстивые песни об империи и свободе, чем пел их поэт Пушкин.